

Импринтинг (часть 6)

Статья опубликована в журнале Вестник НЛП №22.

Авторы: Роман Анатольевич Киселев

Темы, затрагиваемые в статье: Фундаментальное НЛП, Психотерапия

Часть 6. Сложные импринты

К сложным импринтам относятся структуры, образованные на основе простых импринтов и цепочки (конstellации) импринтов (устойчивые синестезии, иерархии). Начиная с некоторого уровня развития личности, единичные импринты осуществляют себя исключительно в рамках масштабных блоков описания. Каждый импринт и каждая конstellация в процессе личной истории обретает собственное кондиционирование, нагружается сопровождающими условными рефлексам и их последовательностями.

Поздние импринты собираются в комплексы (группы конstellаций), которые впоследствии, наряду с конденсированным опытом, проявлены в виде концепции личности — «Я-концепции»[1].

Вот определение «Я-концепции», которое дают К. и Т. Андреас в своей работе «Трансформация Я»:

1. Карта того, кто вы есть.
2. Часть опыта, организованная определенным способом, являющаяся очень широким обобщением в отношении «Я».
3. Система, которая образует временной и пространственный континуум.

4. Система прямой связи, ориентированная на будущее.

5. Рекурсивная система, которая соотносится сама с собой и воздействует сама на себя.

По Андреасам, Я- концепция состоит собственно не только из Я-образа, Я-голоса, Я-ощущений и их проявлений во вне, но и из «теневых» сторон «Я», которые человек «отрицает» в себе и считает их как неприемлемые для себя — так называемые «не-Я». Интересно отметить, что чем более однозначны границы у личности, тем больше разделение идентичности на «Я» и «не-Я».

В эволюционном аспекте можно предположить, что «Я-концепция», являясь обобщением внешнего опыта, с увеличением количества и спецификации социальных ролей и функций, постоянно усложняется. Со специализацией общества и появлением множества контекстов, не обязательно пересекающихся между собой, стало все чаще встречаться разделение Я-концепции на «Я-для-себя» и «Я-для-других».

Разделенность на принимаемые «Я» и непринимаемые «не-Я» на «Я-для-себя» и «Я-для-других» усиливает дезинтеграцию и маскирует глубинные импринты, лежащие в основе личности.

Пример сложного импринта.

Боль от ухода близкого человека.

Когда вам было три года, мать, прежде никогда не покидавшая вас, ушла на целый день в гости, оставив одного. Вы потянулись за игрушкой, упали и впервые в жизни очень сильно ушиблись. Ваша реакция — крик. Вы заплакали, а когда мама вернулась, отреагировала и восстановила контакт.

Пример кондиционирования, на основе сложного импринта.

С тех пор когда мама уходила куда-то, вы всегда плакали и кричали. И чем громче вы плакали и кричали, мать с большей вероятностью шла на уступки и оставалась дома.

Чтобы перейти к рассмотрению сложных импринтов, вспомним, что их предваряют простые импринты, которые можно разделить по периодам образования на:

1. Импринты плода.
2. Родовые импринты.
3. Довербальные импринты.

4. Ранние (первичные) вербальные (словесные) импринты.

Когда произойдет отделение ребенком себя от мира и начнет формироваться его «Я» [2], все, что было воспринято ранее, будет считаться собой, а более поздняя информация разделяться на внешнюю и внутреннюю. Разделение на «Я» и «Мир» происходит, в том числе, с помощью языка.

В дословный период (обычно именно так называют время до появления в активной речи первых слов) с 1 года (8 месяцев) до 4 – 5 лет происходит формирование и закрепление языковой модели мира.

Внутренней информация считается тогда, когда она по каким-либо признакам признана как схожая с первичным, уже запечатленным опытом. Так, внутренней признается та информация, которая оказалась абсолютно не схожа с информацией, ранее считаемой внешней и которую не удалось вербально символически или сенсорно связать с памятью о внешнем опыте. Как вариант это возможно, благодаря существованию в языке понятий фантазия, воображение, галлюцинации и т.д. То есть в воспоминании если не нашлось опыта, считаемого внешним, который схож с информацией воспринимаемой в данный момент, или нет иного опыта, который мог бы объяснить связь этой информации с внешней реальностью, то данная информация может быть либо отнесена к внутреннему опыту, либо вообще не воспринята.

Как принято считать в структурной лингвистике [3], слово — это конвенциональный (условный) знак, план выражения которого не имеет ничего общего с планом содержания, то есть то, как выглядит или произносится слово, не похожее на объект, который оно означает

(за редким исключением). Становление языка происходит благодаря наличию эталонов, эквивалентов, которые есть у носителей данного языка: слово и обозначаемый им объект (субъект).

Для нормального становления речи необходимо, чтобы кора головного мозга достигла определенной зрелости. Хотя в момент рождения, при общей незрелости ЦНС, мозг ребенка и его органы чувств уже подготовлены к усвоению языка. Есть основания считать, что ребенок способен слышать еще до рождения, а новорожденные явно предпочитают голос матери остальным голосам. [4]

Что же касается произношения того или иного звука в составе слова, то тут ребенку требуется произнести его так, чтобы быть понятным, то есть подстроиться под определенный эталон, контролируя себя, соизмеряя сложную работу мышц речевого аппарата и звуковой образ слова, а это уже достаточно трудная задача.

Таким образом, обучение речи происходит на основании импринтирования и кондиционирования слов, с последующим моделированием языка, на основе обратной связи от взрослых, которые являются эталоном.

А. Р. Лурия писал [5]: «Язык есть всегда система знаков, одна из функций которого — выделение существенных признаков, которые этот язык обозначает, и переработка опыта».

Слово как первая единица языка имеет две основные функции:

1. Функция замещения предметов или представления. То есть функция, замещающая предмет знаком, иначе называется предметной отнесенности.
2. Это еще более существенная функция: когда слово не только обозначает вещь, замещает ее, но и перерабатывает опыт, позволяя человеку совершать с воспринимаемым образом сложную работу.

Слово является орудием, позволяющим анализировать и синтезировать те впечатления, которые человек получает из внешнего мира. Это есть мощное орудие не только памяти, но и мощное орудие отвлечения и обобщения.

Слово выделяет из вещей соответствующий признак, делая его важным и существенным. Незаметно для нас оно анализирует воспринимаемую вещь. И с его помощью человек получает автоматически действующие средства анализа воспринимаемых им вещей. Каждое слово по своему происхождению оказывается аппаратом, выделяющим те или иные признаки предмета, позволяющие анализировать предмет. Слово также относит предметы к определенной группе, квалифицирует за собой предмет, производит работу по их синтезу и классификации.

Слово не только замещает предмет, но и имеет такое же физиологическое действие, как и непосредственный предмет.

Второй единицей языка, стоящей рядом со словом, является фраза или предложение, то есть язык появляется не тогда, когда появляется слово, а когда появляется синтагма, то есть связь слов.

Синтагма — фраза или предложение (дом горит, собака лает, мальчик плачет) — не только обозначает вещи, но передает готовое событие.

Этот комплект слов является средством передачи не только отдельных предметов или образов, но и средством передачи более сложных процессов, событий или отношений. Выделенные и синтезированные, под действием предложения, признаки складываются в готовое событие.

Внешняя информация интерпретируется и закрепляется как такая за счет формирования языка и «скреплению» с помощью него внешней реальности. [2]

В вербальный период (начиная с 8 – 14 месяцев), фиксируются события более раннего периода. Язык как обозначающий и анализирующий опыт [5] позволяет смещать внимание в метапозицию по отношению к опыту, вырабатывая отношение к прошлому опыту и фиксируя его. Таким образом, простые импринты могут поддерживаться последующим опытом, организуемым вербально. Слова, описывая события, как бы «закрепляют и цементируют» сенсорный опыт, формируя сложный импринт. Слово, имея дискретные, неизменные свойства позволяет удерживать процессы

восприятия образов, ощущений, звуков, связанных с прошлым: как постоянных и неизменных.

То есть с этого возраста импринт приобретает постоянную структуру, которая может сохраняться на протяжении всей жизни. И импринты, которые были запечатлены в раннем периоде, за счет фиксации их другими (словами) становятся сложноорганизованными синестезиями. Импринт как дискретный элемент в комплексе с другим импринтом может образовывать более прочную структуру, где один поддерживает другой. Вместе они создают еще более устойчивую, дискретную структуру.

Если до вербального (словесного) периода в адрес ребенка говорились какие-то слова, то они просто были сенсорным материалом. Позже, в вербальный период, эти же слова могли стать ссылкой на некий иной сенсорный опыт. Когда младенцу говорят, что он плохой, для него за этими словами ничего не стоит, он слышит только слова. Потом, когда ребенка обучают смыслу этих слов, то есть некий сенсорный материал связывают со словами, за словом «плохой» уже возникает серия образов ощущений, звуков. С момента надления слова новым сенсорным опытом может произойти что-то вроде «коллапса», и поздний сенсорный опыт переструктурирует ранний, так как пусковой триггер (слово «плохой») у них один. Ранний сенсорный опыт, в котором были звуки «плохой» уже рассматривается через фильтры позднего сенсорного опыта, когда звуки «плохой» вызывают определенные ассоциации. Получается, что в первичном импринте уже присутствовали все те смыслы (опыт), которые приобретут слова позже. Словесный период способен создавать травмы дословесного периода. Проживание импринтных ситуаций, в которых были слова (например, во сне) с новым нересурсным смыслом слов, может привести к интенсивному нересурсному состоянию (трудно структурируемому) и заблокировать доступ к сенсорному опыту во избежание повторной травматизации. Образуется самоподдерживающаяся внутриреферентная система [2], в которой опыт продолжает оказывать влияние на жизнь человека, но доступа к нему нет.

Итак, в сложном импринте есть импринтированный опыт и его искажения, созданные новым значением слов, которые они приобрели

в более поздний период. Таким образом, значение слов, которое они приобретают впоследствии, как бы добавляется, интегрируется в импринтированный опыт, закрепляя или ослабляя влияние импринта на последующее восприятие.

В этом возрасте (после 1 года) уже возможно формирование иерархии импринтов по механизму, описанному в поздних вербальных импринтах.

Импринт на этой стадии и позже — это паттернизация фильтров восприятия уже на «паттернизированной» основе, которой является предшествующие импринты.

С появлением языка импринты (если так можно говорить) перешли на качественно новый уровень, когда фильтрация в одном случае не позволяет импринтам случаться (отсекает входящую информацию), а в другом усиливает, создавая те самые двойные импринты. Если импринтный фактор повторяется неоднократно, то образуется то, что потом называют жизненными сценариями, характером, акцентуацией и т.д.

Иммунная и нервная системы берут на себя соматическое воплощение лингвистических импринтов, функцию отдельного барьера человека от мира и как бы становятся стражем, защищающим человека от того, что он сам от себя отделил.

Языковая модель, производя в том числе фиксацию импринтных синестезий, получает одно из своих физиологических воплощений в иммунной системе. Данный механизм проявляется в аллергических и аутоаллергических реакциях. Другой физиологический механизм отделения может реализовываться через нервную регуляцию. И он проявляется спазмами, напряжениями мышц, последовательными сокращениями (расстройства пищеварения), повышением кровяного давления.

Основное отличие этого периода от последующего — в постоянном переформировании вербальной модели мира. Ребенок меняет свою семантическую структуру, которая с каждым шагом этого периода становится все более сложной по организации и однозначной по значениям. Если новое знание (вербальное описание) включает и

рефреймирует предыдущее, то оно способно полностью изменить весь предыдущий сенсорный опыт, таким образом, создав или устранив импринты.

5. Поздние вербальные импринты. С 5 лет и старше.

С этого возраста образуются иерархии импринтов. Распространение описания на все большее количество явлений приводит к формированию и упрочнению фильтров, обеспечивающих постоянство восприятия реальности. Внешние стимулы проходят фильтрацию через состояния, подкрепленные прежними импринтами. Простые импринты образуются редко. Таким образом, опыт либо вообще не становится импринтом, либо усиливает прежние импринты и действует с большей интенсивностью.

Когда происходит какая-либо "ситуация", она может быть воспринята как очень значимая или даже травмирующая, если ребенок уже имеет ранние импринты, схожие по структуре с настоящими стимулами. И эти "травмирующие ситуации" могут активизировать импринты, как бы получая гиперреакцию на психотравмирующую ситуацию. К этому моменту человек как бы разотождествил себя с некоторой частью и его идентичность (я-концепция), отождествившись с частью импринта, не включает в себя полностью весь импринтный опыт.

Механизм гиперреакции борьбы с собой (с разотождествленной частью себя) можно проследить на примере работе иммунной системы. Как пишет Роберт Дилтс (**Дилтс Р., Изменение убеждений с помощью НЛП**), иммунная система является частью нашего тела, отвечающей за сохранение его тождественности самому себе. Иммунная система отличает себя от не-себя, а затем избавляется от того, что является не-собой. Иногда она не распознает в чужаке чужака; иногда же само наше тело начинает воспринимать в качестве чужака. Такие заболевания, как артриты, рак, СПИД, даже некоторые виды сердечных заболеваний и диабет — все являются результатом ошибок иммунной системы [6].

Этот механизм хорошо описывает пример повторения резус-конфликта матери и плода, когда беременная имеет Rh- (отрицательный), а плод Rh+ (положительный). При повторной

беременности с резус-конфликтом сенсibilизированный организм матери (выработавший антитела против повторного вторжения организма чужеродного по резус-фактору) травмирует не только плода, но и саму беременную. С той разницей, что при психотравме граница проходит не так локально, а затрагивает всего человека. Пример раннего импринта: ребенок запечатлел некую реакции у мамы (которую позже назвали обидой), которая была попыткой изменить коммуникативную ситуацию. А также выучился, что на определенные, как у папы, интонации, вызывать/моделировать ту самую реакцию "обиды", которую выдавала мама. Если папа «теми самыми» интонациями будет общаться с ребенком, то ребенок будет выдавать схожую реакцию с мамой или более интенсивную, в зависимости от того, чем более ранним было запечатлевание первичной структуры.

Происходит что-то вроде гипераллергической реакции: Сначала устойчиво связались аллерген + некое состояние, создав прочную структуру в человеке, затем организм выработал запас антител-киллеров и при напоминании о старом аллергене — уже готовые антитела атакуют всю систему/человека, в том числе разрушая и нарушая работу и самой иммунной системы, которая в третий раз будет давать принципиально искаженную реакцию. Таким образом, вторая двойная связка замкнулась.

Такой механизм как в аллергической реакции, так и в повторном импринтировании работает по принципу отделения своего «Я» от всего остального, чужеродного и поэтому вынужденной его дальнейшей защиты от всего чужеродного.

Реакцией системы новых (созданных прежним воздействием) фильтров может являться попытка защититься от возможного повторного воздействия-«травмирования», который иногда проходит как аллергическая сенсibilизация с дальнейшей генерализацией на все возможные раздражители[2]. Таким образом, повторное импринтирование может быть травматическим и может реорганизовать восприятие не только настоящего или будущего, но и прошлого. И изменения могут затрагивать все уровни[6], включая идентичность и духовность, создавая новую «Я-концепцию»[2].

Таким образом, дословесные (от зачатия до 6мес. – 1 года) и импринты "вербального" периода могут создать сложную систему, взаимно поддерживая друг друга.

Сложная «импринтная система» состоит из 3-х компонентов:

1. Ранний сенсорный опыт (простые импринты дословесного возраста).
2. Языковое закрепление (трансформация опыта с помощью нового значения слов).
3. Импринтная ситуация (ситуация в возрасте старше 8 месяцев, усилившая простые импринты и синергетически сочетаемая с ними).

Литература:

- [1] С. Андреас «Трансформация Я».
- [2] Р.А. Киселев, статья: «Травма как реорганизация жизненного сценария», Вестник НЛП, 2005. (из доклада на XVII конференции по Нейро-Лингвистической психотерапии в Москве в апреле 2005г.)
- [3] Якобсон Р.О. В поисках сущности языка, М., 1983.
- [4] Серия статей с портала «ЛОГОПЕД.org»
- [5] А.Р. Лурия., «Язык и формирование сознание» 1979. Лекции по общей психологии. Эволюционное введение в общую психологию.
- [6] Роберт Дилтс «Изменение убеждений с помощью НЛП», М. , 1997.